

Война в исторической памяти народов

Н. В. Павлов*

Я не принадлежу к военному поколению. Мне не довелось получать по продовольственным карточкам пайку хлеба, заклеивать окна крест на крест, рыть окопы, устанавливать противотанковые ежи, ждать вестей с фронта, воевать, наконец. Я ничего этого не могу физически помнить. Но во мне, как и в любом моем соотечественнике, на генном уровне живет память войны, память того, что военное нашествие на Отечество дважды начиналось с немецкой земли.

Это не я, а мой дед, Гаврила Иванович, воевал с винтовкой Мосина на германском фронте в Первую мировую войну, гнил в Пинских болотах. Это не я, а его сын и мой дядя, Александр Гаврилович, который построил в Москве Краснохолмский мост, будучи военным инженером, в 29 лет пал смертью храбрых в 1941 году и похоронен в братской могиле под Ельней. Его имя навечно вписано в Книгу памяти. Это не я, а моя мама, Клавдия Гавриловна, учась в институте, заклеивала окна, рыла окопы под Москвой, гасила на крышах домов зажигательные бомбы. Это не я, а она в 1946 году стала военной переводчицей штаба ВВС Красной Армии в Берлине-Карлсхорсте, а потом всю свою жизнь несла школьникам и студентам знания прекрасного немецкого языка, языка всемирно известных гуманистов, поэтов, писателей и философов. Обе войны оставили на Руси свои рубцы практически в каждой семье. И поэтому в каждом из нас живет память войны, которая является одновременно и памятью побед, и памятью потерь.

Не являются в этом смысле исключением и наши бывшие враги, а ныне, попроществу семи десятилетий, добрые и надежные партнеры, которых жизнь заставила в корне пересмотреть взгляды на свою историю, историю своей страны, на отношения между странами и народами и на обломках своей судьбы выстроить новую систему мировоззренческих координат. Будучи как-то в Гамбурге в престижном районе Бланкенезе, я получил в подарок от известного гамбургского историка, публициста и художника Фолькера Хайдорна его книгу, посвя-

щенную началу войны Германии против Советского Союза¹. Автор книги изучал описываемые им события не в пыли библиотек, не в беседах с участниками вторжения, а на поле брани в кровавых схватках с самым непримиримым, как тогда объясняли своему народу теоретики крестового похода на Восток, «врагом третьего рейха». Он не состоял в НСДАП, а был простым солдатом разведвзвода 292 пехотной дивизии вермахта, которая участвовала в нападении на СССР. И что любопытно, дарственная надпись гласила: «Коля, я люблю твою Родину, ее просторы, песни и людей. Твой друг Фолькер». И я уверен, что любовь эта абсолютно искренняя, выстраданная, без примеси политической корректности и показного дружелюбия.

Пример этот не единичный. Другой мой хороший знакомый, Петер Прин, также одурманенный нацистской пропагандой, добровольцем записался в вермахт и с 1941 по 1945 год воевал против нас на восточном фронте командиром танковой роты. Он прошел многие сражения, в том числе Курскую битву, и затем до дна испил горечь поражения, как он потом осознал, в несправедливой войне. Уже в Западной Германии он продолжил семейный бизнес и занялся самым мирным и созидательным трудом — строительством домов. Так вот и он испытывает самые теплые чувства и глубокое уважение к русскому народу, а меня стал называть в шутку своим «приемным сыном».

Для двоих других моих зарубежных друзей, наоборот, еще до войны Советский Союз стал второй родиной, которая предоставила им и их родителям убежище в годы нацистских гонений и террора. Они добровольцами пошли в Красную Армию и воевали против гитлеровского режима, будучи убежденными антифашистами. Один, Иоганн Штайнер, член Коммунистической партии Австрии, занялся после войны профессиональной партийной работой, другой, Штефан Дёрнберг, участвовал в государственном строительстве Германской Демократической Республики, стал ученым и дипломатом, возглавлял Институт международных отношений в Потсдаме/

* Николай Валентинович Павлов — д. и. н., профессор кафедры ИПСЕА МГИМО(У) МИД России.

Бабельсберге. Для них целью войны было освобождение Германии и Европы от коричневой чумы.

Герои и антигерои Германии. Их неслучайно объединяют теплые чувства к нашей стране и народу. В благожелательном отношении немцев к русским и, несмотря на все войны и страдания, пришедшие с германской земли, аналогичном отношении русских к немцам нет ничего удивительного. И вот почему.

Ни с одной страной Европы и тем более мира у России нет такой богатой совместной истории, как с Германией. Многие столетия российско-германские отношения в самом широком понимании были одним из важнейших элементов европейской безопасности. От их состояния многое зависело в Европе и в эпоху «концерта европейских держав», и в биполярном мировом устройстве после Второй мировой войны. Марио Дедерихс, автор известной в ФРГ книги «Общая история: немцы и русские», писал: «На протяжении более чем тысячи лет русские и немцы узнавали друг друга, любили и ненавидели, дружили и воевали друг с другом. Образ ли врага или пример для подражания — история этих отношений оставила у обоих народов глубокие следы. А то, что между ними происходило на широких просторах от Эльбы до Волги, никогда не оставляло мир равнодушным»².

Память войны — это память победителей и побежденных. Память войны — это память потерь. Никто и никогда не простит эсэсовских палачей. Но никто и никогда не вправе ненавидеть целый народ. Еще Сталин говорил, что было бы смешно ставить на одну доску гитлеровскую клику и немецкий народ. Однако простить не значит забыть.

Память войны глубоко сохранилась в генах наших народов, потому что каждая семья и стой, и с другой стороны понесла потери. Эта память жива в стихах, прозе, в фильмах и спектаклях, в песнях, в памятниках, биографиях и исторических датах. Но что более важно, память войны — в делах потомков, которые и в Германии и в России ведут сейчас крайне важную работу по розыску погибших, по уходу за воинскими захоронениями, по компенсации ущерба пострадавшим в войне.

Память мира — это память приобретений. Память мира — это память сотрудничества и партнерства. Благодаря ей мы знаем, что в 1231 году, когда в Новгороде свирепствовал голод, немцы спешили на помощь новгородцам на кораблях, груженных хлебом. Мы помним и то, что русские и немцы вместе проливали кровь в «битве народов» под Лейпцигом в октябре 1813 года и помогли освободить Европу от нашествия Наполеона. Мы не забудем и то, что национальное объединение Германии в XIX веке произошло во многом благодаря тесным дружественным отношениям между Россией и Пруссией.

Русские и немцы нужны друг другу. Так, еще в начале 1920-х гг. нарком внешней торговли РСФСР Леонид Красин активно выступал за налаживание и интенсификацию российско-германского взаимо-

действия. «Россия и Германия, — писал он, — так сказать, созданы друг для друга. С одной стороны — гигантская страна с неисчерпаемым природным богатством и полезными ископаемыми, с многомиллионным трудовым населением; с другой стороны — индустриальная страна с новейшей техникой и с переизбыточным населением, для поддержания которого неперенным условием является развитие экспорта и транспорта. Ни одна из западноевропейских стран не имеет такого опыта в сотрудничестве с Россией или такого глубокого и точного знания всех условий в нашей стране, как Германия. Сотни тысяч немцев жили до войны в России, многие из них были совершенными мастерами русского языка и имеют самые разветвленные личные контакты в России вдоль и поперек.

Наконец, вся наша цивилизация, прежде всего наше техническое развитие, промышленность и торговля, десятилетиями базировалась на работе в партнерстве с Германией, и для русского промышленника, торговца и даже рабочего легче найти общий язык с немцем, чем с каким-то другим иностранцем»³.

О роли Советского Союза в победе над фашизмом

Война, развязанная гитлеровской Германией против Советского Союза, стала самой низшей точкой в более чем тысячелетней истории российско-германских отношений. И что любопытно, сам ее идеолог и инициатор еще в 1924 году в своем труде «Майн кампф», этой библии нацизма, указывал на возможные катастрофические последствия для Германии агрессии против СССР: «Уже в самом факте заключения с Россией союза заложено указание на будущую войну». И далее: «Ее исход был бы концом Германии».

22 июня 1941 г. в 4 часа утра германские войска силами 153 дивизий (3 млн человек, 600 тыс. автомобилей, 500 тыс. лошадей, 3350 танков и бронепоездов, 7200 артиллерийских орудий) и 37 дивизий сателлитов Германии атаковали СССР практически по всей западной границе. Нападение Германии на СССР поставило Сталина именно в то положение, которого он хотел избежать путем заключения пакта с Гитлером. И главными причинами этому стали догматическое мировоззрение советского вождя, слишком рациональная оценка действий Гитлера на международной арене, пренебрежение основными принципами политики в области безопасности и требованиями обороны страны в угоду интересам территориального расширения державы и сферы ее идеологического влияния. Поэтому германское нападение произошло неожиданно для Красной Армии и вовлекло СССР в высшей степени кровопролитную борьбу за существование при крайне неблагоприятных исходных условиях.

Война против СССР была запланирована Гитлером как часть борьбы за мировое господство, как важный этап на пути подчинения западных держав и их колониального мира «германскому мировому порядку». Считается, что, принимая решение напасть на СССР, Гитлер хотел реализовать главные положения своей идеологической программы. Почти во всей историографии Второй мировой войны доминирует точка зрения о преображении искусного и бессовестного стратега и авантюриста Гитлера в зашоренного идеолога. Тем самым он также преобразил характер ведения войны немцами — из «нормальной войны» в «расово-идеологическую войну на уничтожение», экспериментальным полем которой к тому времени уже стала оккупационная политика, проводившаяся в Польше.

Тезис о неизмеримой вине немецкого руководства и следовавшего за ним немецкого общества в войне против Советского Союза не подлежит сомнению. Источники говорят об этом убедительно и недвусмысленно. Попытки же оспаривать неопровержимые факты можно трактовать исключительно как «темный политический умысел»⁴. Современные немецкие историки дают сходные по смыслу определения развязанной Гитлером войне: «расистская война на уничтожение» (Мари-Луизе Реккер)⁵, самая «чудовищная захватническая война на уничтожение и порабощение» в истории (Эрнст Нольте)⁶ и т. п.

Для Гитлера же ни одно решение не имело таких весомых последствий для хода войны в целом и судьбы национал-социалистической Германии, как его решение напасть на Советский Союз с целью полного уничтожения государства и народов, его населявших. Ни в одной другой военной кампании имперская и расово-идеологическая мегаломания национал-социализма не проявилась столь явно. Нигде и никогда армия столь откровенно не использовалась для проведения в высшей степени преступной политики. Фактически еще до начала войны Гитлер ее проиграл. Объективными факторами, определившими поражение Германии, явились сам характер войны (для Советского Союза она была освободительной) и геостратегическое положение СССР (наличие протяженной территории и суровый климат, людские и материальные ресурсы). Даже западные эксперты вынуждены признавать: Германия проиграла войну против остального мира в основном на территории Советского Союза. Здесь дольше, чем где бы то еще, были задействованы почти три четверти всех немецких сухопутных войск и большая часть авиации. Потери вермахта на Востоке до мая 1944 года в три-четыре раза превышали потери на других фронтах вместе взятых⁷. И после открытия союзниками по антигитлеровской коалиции второго фронта основные силы нацистской Германии продолжали оставаться на Востоке. Красная Армия внесла больший, нежели любая другая армия мира, вклад в разгром третьего рейха и, следовательно, в освобождение ок-

купированных им территорий. И хотя американские и британские поставки военной техники Советскому Союзу продолжали расти, их значение не стоит преувеличивать, если учесть, что они составили всего 4% от всего военного производства в СССР.

Этого не отрицают и сами немцы. Политика Советского Союза, пишет профессор университета в Тюбингене Герхард Шульц, «на каждом этапе Второй мировой войны влияла на ее ход»⁸. Даже эмигрировавший в 1940 году в США известный немецкий историк и эссеист, сын Томаса Манна Голо Манн, которого трудно заподозрить в любви к Советскому Союзу, признавал в годы «холодной войны», что СССР «внес огромный вклад в победу» над нацистской Германией⁹.

Гитлер предполагал закончить войну до начала зимы. Эту оценку разделяли многие западные аналитики. Даже самые информированные американские военные предсказывали победу нацистской Германии в течение месяца, в крайнем случае — трех. Но уже в первые недели восточной кампании стало ясно: расчет на то, что в лице СССР Германия встретится с «колоссом на глиняных ногах» не оправдался. Не оправдался потому, что помимо, как уже говорилось, геостратегического фактора традиционный для русского народа патриотизм и готовность к самопожертвованию заслонили собой и размыли в его сознании последствия той деспотичной и репрессивной политики, которую проводил тоталитарный коммунистический режим.

Гитлер недооценил прочность государственно-принудительно-плановой советской системы хозяйства, созданной в 1930-е годы. Эта система оказалась достаточно устойчивой в экстремальных условиях войны и выдержала испытание на прочность. Русский солдат, с одной стороны, слепо держался за свое политическое кредо, с другой — искренне стремился освободиться от чужеземного ига. «Агрессивная идеология и диктаторский единовластный режим третьего рейха показали свое превосходство в борьбе с классическими демократиями на Западе. Но столкнувшись с подобным, а может быть, и лучше организованным режимом на Востоке, нацизм не выдержал испытания огнем»¹⁰. Конечно, Советский Союз при Сталине нельзя было назвать образцовым социалистическим государством. Помимо деформаций социалистической идеи и практики имели место ничем не оправданные массовые репрессии против собственного народа. И тем не менее, подчеркивает Ш. Дёрнберг, «без Красной Армии, без Советского Союза, без его миллионов и миллионов граждан, которые в своем большинстве думали и действовали по-социалистически, фашизм не был бы остановлен и уничтожен. Капиталистическая Россия не смогла бы этого сделать. Это доказала Первая мировая война. Сегодня это вновь становится очевидным»¹¹.

Стремительные успехи вермахта в первые недели и месяцы, сопровождавшиеся огромными террито-

риальными приобретениями, привели германское руководство к ложному выводу, будто окончательное падение советского режима — это дело нескольких дней, в крайнем случае, недель. Затем можно было братья за Великобританию. В действительности же немцы, не подготовленные к русской зиме, вначале застряли под Москвой, а потом были разгромлены свежими резервами Красной Армии. Вину за это Гитлер возложил на генералитет и взял командование на себя. Полководческий гений фюрера оказался блефом, когда 6-я германская армия во главе с генерал-полковником Паулюсом была окружена под Сталинградом и капитулировала 2 февраля 1943 г., а затем в июле вермахт потерпел сокрушительное поражение в танковом сражении на Курской дуге. В итоге исход Великой Отечественной и Второй мировой войны был предрешен. С высадкой западных союзников 6 июня 1944 г. в Нормандии и открытием таким образом долгожданного второго фронта до окончательной победы оставалось 11 месяцев. Немецкий исследователь Вольфганг Бенц подчеркивает, что державам оси — Германии, Японии и Италии — теперь противостояла антигитлеровская коалиция, которая могла опереться на экономические и военные ресурсы США, волю к победе Советского Союза, твердость и готовность к жертвам Великобритании, а также движение сопротивления на оккупированных Германией территориях¹².

Юбилейные даты — это не только повод для праздников и торжеств, не только повод помянуть погибших и ушедших. Это и время, когда стоит, опираясь на прожитое и пережитое, задуматься о будущем. Ибо лишь тот, кто знает прошлое, может создать будущее. В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее.

Первая мировая война была проиграна Россией, во-первых, потому что, заключив сепаратный мир с Германией, она автоматически попала в число побежденных. Во-вторых, потому что потеряла таким образом главных союзников по борьбе против агрессора. Мобилизацию прошли 15 млн человек, призваны в армию были 13,3 млн. Безвозвратные потери (убитые на поле боя и умершие от ранений) составили примерно 2 млн 300 тыс. человек. Свыше 2 млн 700 тыс. человек стали калеками. Но Первая мировая война, еще не закончившись, вылилась в результате революции в кровопролитную гражданскую войну внутри страны, в которой под ружьем с двух сторон оказались 20 млн человек. Потери в гражданской войне со стороны красной и белой армий по самым скромным подсчетам составили около 5 млн человек, а так называемые «санитарные потери» (раненные контуженные, обмороженные, больные) — до 15–18 млн человек. И Первая мировая и гражданская война обернулись кроме того утратой значительных территорий бывшей Российской империи, которые частично были компенсированы затем в ходе строительства государства сталинского образца.

Вторая мировая война была выиграна Советским Союзом. И не только потому, что речь шла об освобождении от гитлеровского порабощения, но и потому, что у СССР в этой смертельной схватке были союзники, взявшие на себя часть военных тягот. Под ружьем с советской стороны находились до 45 млн человек. Людские потери в общей сложности составили около 27 млн человек, в том числе 14 млн гражданских лиц, которые были убиты на оккупированных территориях или умерли на принудительных работах. В 1941 году немцами было пленено 3,4 млн красноармейцев и командиров. К январю 1942 года 2 млн из них пали жертвами расстрелов, эпидемий, голода и холода. Всего из 5,7 млн советских военнопленных, оказавшихся в немецкой неволе, погибло до конца войны 3,3 млн человек, то есть 57,9 %¹³. На советско-германском фронте Красная Армия потеряла 11,4 млн человек. Помимо этого миллионы тяжело раненных умерли или стали инвалидами. Смертность превысила рождаемость. В целом за годы войны население Советского Союза сократилось на 38 млн человек. Материальные же потери вообще не поддаются исчислению.

Территориальные приобретения СССР имели не прямой, а «буферный» характер. Они охватили страны так называемой «народной демократии», впоследствии — лагерь «реального социализма», что опять-таки должно было служить гарантией безопасности от возможной агрессии, о чем свидетельствовал опыт двух мировых войн.

Потери вермахта на всех фронтах составили 8,8 млн человек. Многие миллионы, в том числе сдавшиеся в 1945 году в результате тотального поражения в войне, попали на долгие годы в плен и отбывали заключение в различных лагерях. Согласно официальным данным, в советском плену находились 2,4 млн немецких военнослужащих, последние из которых вернулись на родину только после установления в 1955 году дипломатических отношений между СССР и ФРГ.

Когда задают вопрос о важнейших событиях XX столетия, одни называют Октябрьскую революцию 1917 года, другие — крах системы социализма в 1989/91 гг. При этом оба ответа имеют идеологическую мотивировку. Консенсуса можно было достичь, пожалуй, только в вопросе совместной победы единого фронта народов и государств над фашизмом. Она действительно стала важнейшим событием XX века, уже хотя бы потому, что предотвратила «конец цивилизации»¹⁴. Я думаю, что под этой оценкой, кто бы ее ни придерживался и какой бы политической окраски он ни был, подписался бы любой здравомыслящий человек.

Вторая мировая война не только решающим образом изменила лик всего мира, но и образ мышления людей. Никогда за всю свою историю человечество не несло таких тяжелых людских, материальных потерь и не испытывало таких нравственных и фи-

зических страданий, как в эту войну, справедливо названную у нас Великой Отечественной. Именно эта война поделила мир на черное и белое и на долгие годы определила мышление людей в категориях «друг — враг».

Из Второй мировой войны, предельно мобилизовав все свои людские и материальные ресурсы, подлинными победителями вышли только две страны — Советский Союз и США. Соответственно, центр тяжести мировой политики переместился в Москву и Вашингтон, на долгие годы определив двухполюсное состояние мира. Отныне две ядерные «сверхдержавы» диктовали миру свои правила игры, выстроив жесткую систему глобального блокового противостояния и двухцветного черно-белого мышления.

К поистине всемирно-историческим последствиям Второй мировой войны относится образование Организации Объединенных Наций и распад колониальных империй. Вторая мировая война была войной за освобождение народов и таким образом она послужила прологом и к освобождению народов от колониализма. Этот процесс затронул вначале Италию и Японию в 1945 году, а затем захватил и все другие колониальные державы: Бельгию, Францию, Великобританию, Нидерланды, Португалию, Испанию и Соединенные Штаты.

Но Вторая мировая, как и Первая, еще не закончившись, переросла в третью мировую — «холодную войну», которая в условиях глобального биполярного противостояния проявлялась в десятках локальных и региональных конфликтов, антиколониальных и гражданских войн, которые также потребовали огромных жертв. Число их до сих пор не подсчитано. Закончилась она распадом «социалистического лагеря» и развалом самого СССР. Мир, долгие годы базировавшийся на стратегическом паритете СССР — США, Восток — Запад, прекратил свое существование. Соответственно, перестали действовать и законы биполярного мироустройства. Оно стало качественно иным.

8 мая в политической культуре немцев

Из Второй мировой войны Советский Союз вышел великой державой, той мировой державой, которая внесла решающий вклад в победу над Германией. Он пользовался международным признанием, принадлежал к числу основателей Организации Объединенных Наций и стал одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности. Он вышел из мировой войны преисполненный гордости, но в то же время с тяжелейшими потерями. Ни одной другой стране победа не обошлась так дорого, как Советскому Союзу.

И, тем не менее, 9 мая 1945 г. в день Победы над гитлеровской Германией И. В. Сталин в обращении к советскому народу заявил, что Советский Союз, торжествуя победу, «не собираются ни расчленять, ни

уничтожать Германию». Весь мир запомнил его слова о том, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается. Но история распорядилась по-своему.

Образовавшиеся после Второй мировой войны германские государства были порождением глобального биполярного противостояния. Германская Демократическая Республика конституировалась и развивалась по советскому образцу, взяв на вооружение не только экономические законы, диктовавшиеся Москвой, но и идеологические установки «мировой опоры социализма», решительно отмежевываясь от нацистского прошлого Германии. Федеративная Республика Германия, вошедшая в сферу влияния трех западных держав-победительниц, действовала по англо-саксонским лекалам и в силу этого обстоятельства не могла конструктивно участвовать в развитии германо-советского диалога в условиях жесткого противоборства между Востоком и Западом.

Вплоть до конца 1960-х годов в массовом сознании граждан ФРГ и СССР пестовался «образ врага». Лишь подписание в 1970 году Московского договора стало отправной точкой налаживания всестороннего сотрудничества. «Особый» с исторической точки зрения характер российско-германских отношений позволил ФРГ стремительно выдвинуться на передовые позиции в политическом и экономическом диалоге Запада с Советским Союзом. ГДР же оставалась форпостом социализма и главным стратегическим союзником Москвы в Европе. Пиком советско-германского сотрудничества в XX столетии стало второе объединение Германии, которое позволило 9 ноября 1990 г. заключить двум великим европейским державам Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве.

Разновекторное развитие двух германских государств, появившихся на карте в 1949 году, не могло не отразиться и на возникновении двух политических культур, двух культур исторической памяти, которые с одной стороны противостояли друг другу в качестве антиподов, с другой — были своего рода близнецами в том, что касалось выбора памятных дат, проведения праздников, а также толкования «белых» и «темных» пятен совместного прошлого. В этой связи замечу, что как на востоке, так и на западе Германии до сих пор редко можно услышать о «победе» Советского Союза над гитлеровским фашизмом. Данная констатация остается уделом историков. И в восточных, и в западных немецких землях фатальный для нацистской Германии исход Второй мировой войны, трактовавшийся первоначально как «тотальное поражение», «разгром», «капитуляция», как «национальная катастрофа», достаточно быстро трансформировался в Восточной Германии в «освобождение» от фашизма, от национал-социалистического господства. Уже 8 мая 1949 г. по решению Социалистической единой партии Германии на территории Восточного Берлина в Трептов-парке был открыт памятник советскому воину-освободителю в память о погибших в ходе боев

за Берлин советских солдатах. Позже Народная палата ГДР утвердила этот день в качестве нерабочего дня (до 1967 года) и государственного праздника, который сопровождался обязательным военным парадом, торжественными мероприятиями во всех округах, районах и на предприятиях.

В качестве «Дня освобождения от гитлеровского фашизма» (как сказал в 1981 году главный идеолог ГДР, член политбюро ЦК СЕПГ Курт Хагер, «священного дня») 8 мая оставалось неизменным вплоть до падения ГДР. Культивируя у населения историческую память с позиций антифашистов-победителей во Второй мировой войне, героизируя участников сопротивления в Германии, верхушка восточно-германского государства, оставляла за скобками вопрос ответственности и вины немцев, прежде всего проживавших в Германской Демократической Республике, за мировую катастрофу и не позволяла выносить его на общественное обсуждение. Все грехи приписывались политической наследнице третьего рейха — ФРГ. В начале 1980-х годов наряду с коммунистами-антифашистами, погибшими во времена третьего рейха, стали чествовать и других участников сопротивления — жертв нацистского режима. Появились и осторожные здравицы в адрес западных союзников, также внесших неоспоримый вклад в победу над гитлеровским фашизмом. В 1985 году в ГДР были отменены военные парады по случаю «освобождения», на смену которым пришли народные гуляния. Руководство ГДР начало постепенно дистанцироваться от, как считали в Берлине, опасной для СЕПГ политики «перестройки», провозглашенной М. С. Горбачевым.

В Федеративной Республике Германии, в начальной фазе ее существования, 8 мая было неформальной памятной датой окончания войны и капитуляции. Политическое руководство страны считало, что этот день — не повод для праздника, поскольку, по словам первого президента ФРГ Т. Хойса, Германия была «одновременно и уничтожена, и освобождена»¹⁵. Поэтому любое отклонение от официальной позиции или попытки по-иному трактовать эту историческую дату, придать ей эпохальное значение со всеми вытекающими из этого историческими выводами и последствиями, по крайней мере, до середины 1960-х гг., строго пресекались со стороны руководства ФРГ. К этому добавлялось то, что в условиях конфликта между Востоком и Западом, германской двугосударственности и в контексте западногерманских претензий на единоличное представительство всех немцев на международной арене любое смягчение позиции рассматривалось как уступка Восточному Берлину и, соответственно, предавалось анафеме¹⁶. Термин «освобождение» использовался исключительно бывшими узниками концентрационных лагерей и немногочисленными представителями левого крыла политического спектра Федеративной Республики.

В 1965 году по случаю 20-летия Победы канцлер Людвиг Эрхард и президент Хайнрих Любке впервые почтили память жертв нацизма возложением в Бонне венка. Однако при этом из уст канцлера вновь прозвучал заезженный тезис о том, что, дескать, у немцев действительно нет повода для празднования этой даты, поскольку «8 мая 1945 г. Германия была полностью разбита и унижена». Он отверг мысль о необходимости отмечать 8 мая как «день освобождения», мотивируя это тем, что с уничтожением гитлеровской Германии так и не удалось искоренить в мире «несправедливость и тиранию». Только с приходом к власти социал-либеральной коалиции в день 25-й годовщины канцлер Вилли Брандт неожиданно для многих выступил в бундестаге с приуроченным к ней правительственным заявлением. 8 мая 1975 г. во Франкфурте-на-Майне прошла многотысячная демонстрация под лозунгом «30 лет освобождения от гитлеровского фашизма — 30 лет борьбы за мирную Европу». В заявлении канцлера Гельмута Шмидта перед кабинетом министров впервые прозвучало слово «освобождение», а президент ФРГ Вальтер Шеель в выступлении в Боннском университете затронул такую тему, как сознательное уничтожение нацистами евреев, цыган, душевно больных, политических заключенных, а также проблему вины немцев за совершенные преступления, подчеркнув, что «немецкая трагедия началась не в 1945, а в 1933 году».

Реальный поворот в восприятии политической элитой ФРГ значения и последствий Второй мировой войны начался десятью годами позже с произнесением президентом ФРГ Рихардом фон Вайцзеккером речи в бундестаге по случаю 40-летия 8 мая. Напомним, что именно в 1985 году в стране развернулись дебаты в связи с провокационным посещением 5 мая канцлером Гельмутом Колем и президентом США Рональдом Рейганом военного кладбища в Битбурге, где похоронены, в частности, эсесовцы, принимавшие участие в уничтожении в Арденнах десятков тысяч американцев, в массовой казни пленных американских солдат в Мальмеди (Бельгия). Поклонение могилам нацистов, задуманное как знак американо-западногерманского примирения, вызвало не только бурю негодования у мировой общественности, но и осуждение этого шага со стороны руководителей крупнейших промышленно развитых стран. В отличие от поступка канцлера слова Вайцзеккера о том, что «8 мая стало днем освобождения», были восприняты как аксиома и повсеместно поддержаны населением Боннской республики. В течение двух лет текст его выступления был распространен по всей стране тиражом в 2 млн экземпляров. И хотя речь президента в последующие годы продолжала обсуждаться, прежде в правом политическом лагере, она открывала возможность отличной от сложившейся на пике «холодной войны» официальной трактовки этого исторического события.

Падение Берлинской стены в 1989 году позволило Германии и немцам с точки зрения исторической и политической ретроспективы вернуться к истокам общенационального и отныне не разделенного законами «холодной войны» критического осмысления прошлого. Это, безусловно, повлияло и на восприятие и трактовку памятных дат. Во всяком случае, состоявшиеся после германского объединения в 1995 и 2005 гг. масштабные международные мероприятия по случаю 8 мая придали дню «освобождения от национал-социалистического террора» интернациональное полифоническое звучание. В целом, подчеркивают современные немецкие исследователи, в связи с увеличением временной дистанции к эпохе третьего рейха, уходом с политической сцены влиятельных лиц, переживших то время и обладавших правом вето, со сменой поколений и значительными изменениями на национальном и международном уровне можно говорить о начале процесса «очищения и нормализации исторической памяти». Объединенная немецкая нация предстает перед нами как прошедший через искупление народ, который не только вынес исторические уроки из XX столетия, но и глубоко прочувствовал их. Поэтому, сегодняшняя Федеративная Республика, канонизированная в послевоенной немецкой истории как «удавшаяся демократия», вправе претендовать в XXI веке на «демократическую нормальность»¹⁷.

«Нормальность» заключается в том, что воссоединенная германская нация и ее руководители пришли, наконец, к консенсусу, который разделяет все международное сообщество: коллективная победа стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне была освобождением мира от фашизма. Это находит отражение в памятных мероприятиях, посвященных освобождению Освенцима и других концлагерей, покаянии немцев за Холокост, в выступлениях федерального президента и федерального канцлера, приуроченных к годовщине подписания Германией акта о безоговорочной капитуляции.

В то же время есть круги, которые хотели бы сфальсифицировать историю, изобразить СССР не освободителем Европы, а ее послевоенным поработителем, что активно поддерживается в Польше и отдельных государствах на постсоветском пространстве. Но память войны и страданий нашего народа, память великих побед и великих жертв исказить нельзя.

От «Больше никогда!» к «Помнить всегда!»

Национал-социализм с его доведенной до гитанизма технократической псевдоромантикой, с его бесчеловечным расовым учением и его хорошо смазанной тоталитарной государственной машиной вновь, как и после Первой мировой войны, распустил по всему миру негативный портрет немца

и сформировал его как стереотип. И сегодня, когда немцы по праву ощущают себя совершенно другими, когда они, наконец, всерьез воспринимают достижения демократии, они, тем не менее, вынуждены считаться с тем, что их имидж за рубежом все еще определяется негативным опытом исторического развития с 1914 по 1945 год. Об этом свидетельствуют результаты общественного мнения, проведенного в Германии Институтом прикладных социальных исследований в г. Мангейме.

Конец германской государственности в 1945 году не стал концом немецкого народа и германской истории. Германия была повержена и могла возродиться как политический и общественный организм, лишь проявив готовность порвать с определенными политическими традициями, которые привели ее к катастрофе. В контексте денацификации произошло явное разрушение реакционных и милитаристских традиций. Вопрос исторической вины немцев был в 1945 году определеннее, чем это было в 1918 году, а отмежевание немецкой демократической элиты от ставших известными преступлений национал-социализма — много легче в силу их неоспоримости. После Второй мировой войны чувство вины за содеянное гитлеровским рейхом было настолько велико, что возрождение политической, национальной и религиозной вражды и ненависти в Германии, а также правый экстремизм лишились питательной среды.

Действительно, немцам после Второй мировой войны удалось в значительной мере порвать со своими национал-социалистическими, милитаристскими и антидемократическими традициями. Это привело к тому, что они не имеют больше определяющего влияния на политическое сознание немцев Федеративной Республики. Германия вновь примкнула к политической культуре Запада и стала частью западной цивилизации.

Крах национал-социализма был воспринят немцами как «германская катастрофа», как глубочайший кризис в вопросе национальной идентичности, которая после долгих лет «воспитания» немцев в двух противостоявших друг другу системах мировоззренческих координат не могла быть в один присест заменена на общеевропейскую. Этим, собственно, объясняются различные оценки восточными и западными немцами своей политической культуры и истории, которой сегодня в той или иной степени интересуются 82% населения ФРГ, а 89% граждан считают, что проводить ответственную политику можно, лишь зная историю собственной страны, за изучение которой выступают 53% западных и 54% восточных немцев (за изучение истории других стран и народов выступают соответственно 33% жителей западных земель и 34% восточных).

Но самое главное состоит, пожалуй, в том, что 63% опрошенных согласны с утверждением, что «немцы вынесли уроки из своей истории».

Какую роль, по вашему мнению, играет сегодня национал-социалистическое прошлое в оценке немцев со стороны заграницы?	Всего %	Запад %	Восток %
Большую роль	59	59	59
Не такую большую роль	34	35	33
Вообще никакой роли	3	3	3
Не знаю	4	4	5

Источник: Korte K.-R., Weidenfeld W. (Hrsg.). Deutschland-TrendBuch. Fakten und Orientierungen. — Bonn, 2001. — S. 678.

В первые годы после войны и на востоке и на западе страны доминировал лозунг «это никогда не должно повториться!». И это понятно. Еще живы были в памяти немцев кровавые преступления гитлеровского фашизма. Естественно, по мере укрепления демократических начал и интеграции обоих германских государств в цивилизованное мировое сообщество стало очевидно, что возврата к бесчеловечному милитаристскому прошлому Германии возврата нет и не будет. А этому, как считают значительное число немцев, в значительной степени содействует воспитание исторической памяти, прежде всего памяти о Второй мировой войне, ввергнувшей мир и Германию в катастрофу. Поэтому неудивительно, что генеральной линией воспитания граждан ФРГ, в первую очередь представителей молодого поколения, стал после объединения Германии лозунг «помнить всегда!».

За всю долгую историю «холодной войны» (а ее начало датируется разными исследователями по-разному и достаточно широко — от 1942 года, когда начали проявляться советско-американские противоречия, до фултонской речи У. Черчилля

в 1946 году) СССР и ФРГ, советский и немецкий народы проделали огромный путь от реального врага до «образа врага», от вооруженного противоборства через преодоление идеологической конфронтации к деловому сотрудничеству по самому широкому спектру проблем. Буквально за год до германского объединения социологические исследования, проведенные в ФРГ, показали, что число жителей ФРГ, ощущавших угрозу от Советского Союза, сократилось с 66% в 1952 году до чуть более 20% в 1989 году. Более впечатляющие цифры содержались в опросах граждан СССР.

И до, и после германского объединения многих западных немцев поражал дружественный прием, оказываемый им повсюду в Советском Союзе. Незабываема и та гуманитарная помощь, и то чисто человеческое участие, которые проявили немцы к советским ветеранам в распадавшемся СССР. А это еще раз доказывает, что между народами нет и не может быть победителей и побежденных. Эти категории могут относиться к государствам, к режимам и, наконец, к правителям, которые и ввергают свои ни в чем не повинные народы в пучину кровавых

В какой степени вы интересуетесь историей?	Всего %	Запад %	Восток %
Очень интересуюсь	13	13	14
Интересуюсь	29	29	29
Немного интересуюсь	39	40	38
Не интересуюсь	13	13	12
Совсем не интересуюсь	5	5	7

Источник: Korte K.-R., Weidenfeld W. (Hrsg.). Deutschland-TrendBuch. Fakten und Orientierungen. — Bonn, 2001. — S. 676.

Согласны ли вы с утверждением, что немцы вынесли уроки из своей истории?	Всего %	Запад %	Восток %
Полностью согласен	19	21	15
В целом согласен	44	46	36
Скорее, не согласен	27	24	36
Не знаю	3	3	3

Источник: Korte K.-R., Weidenfeld W. (Hrsg.). Deutschland-TrendBuch. Fakten und Orientierungen. — Bonn, 2001. — S. 681.

войн. А следствием этого остается вражда и недоверие, посеянные когда-то имперскими идеями и давшие обильные всходы на благодатной почве тьмы и невежества.

Самое трудное, пожалуй, — это преодолеть инерцию мышления, особенно если человек привык думать в черно-белых красках по принципу «друг — враг». Но делать это просто необходимо хотя бы для того, чтобы увидеть, насколько богата красками палитра человеческого бытия. А помочь в преодолении стереотипов прошлого, в утверждении мысли о неизбежности сотрудничества с другими народами в целях своего же национального и государственно-возрождения может только историческая правда и наша память о войне и мире. Она одна способна самым удивительным образом опрокинуть наши представления о настоящем и заставить задуматься о том, какое и с кем нам строить будущее.

Мы по-прежнему, как в старые добрые времена возлагаем на Германию большие надежды в плане получения помощи, не важно какой, но главное побольше и поскорее. При этом забываем, что и мы сами — то есть Россия, и немцы — то есть объединенная Германия, уже другие.

Можно сказать, что третья мировая война («холодная») закончилась объединением Германии и распадом Советского Союза. Изменение системы международных координат прямо противоположным образом повлиял на геополитическое положение России и Германии, на их роль и место в европейском регионе. Самое любопытное, что разновеликий мировой статус России и Германии подтверждают и опросы общественного мнения, проведенные как в Российской Федерации, так и в Федеративной Республике через пару лет после глубинных трансформационных процессов, потрясших обе страны.

И граждане России, и граждане ФРГ примерно одинаково оценили соотношение сил двух государств

на мировой арене, отдавая пальму первенства объединенной Германии. В России в пользу Германии высказалось 41% (в пользу России — 26%). В Германии Россию предпочли 31% (Германию — 43%)¹⁸. Сопоставление образа Германии с образом ряда других стран в массовом сознании россиян показало, что по всем показателям опросов общественного мнения Германия либо лидирует, либо находится в числе лидеров. Положительные чувства к ней высказали 69% опрошенных (негативные — 11%); ее опыт послевоенного хозяйственного строительства и проведения реформ российское население оценило выше всех иных стран (40% высказались за его изучение); рейтинг Германии как возможного места проживания также весьма высок (второе место после США)¹⁹.

Мы преодолели «образ врага», мы сотрудничали в условиях конфронтации. Но в новом мире мы пока еще не нашли друг друга. Нестабильность на постсоветском пространстве, как и поиски своего нового «Я» обеими странами в изменившемся мире, по-новому поставили вопрос о взаимной адаптации, иными словами о взаимопонимании и доверии. Тревожит то, что на смену прежним страхам, опасениям и подозрениям приходят новые. Последние опросы свидетельствуют о том, что между русскими и немцами возрождается недоверие. Согласно исследованиям Алленсбахского института общественного мнения, после событий на Украине весной 2014 года у 55% немцев Россия начала ассоциироваться с угрозой миру и только 10% продолжали видеть в ней надежного партнера. Все меньше граждан ФРГ считают целесообразным тесно сотрудничать с Москвой. Если 10 лет назад еще 55% выступали за интенсивную кооперацию, то сейчас их число снизилось до 32%²⁰.

Главных причин этому, на мой взгляд, две: во-первых, в силу как объективных, так и субъективных обстоятельств идет переформатирование послевоенной системы международных отношений,

Какие события в истории Германии последних 100 лет не должны предаваться забвению? (можно указывать несколько пунктов)	Всего %	Запад %	Восток %
Вторая мировая война	42	40	49
Преступления нацистов	40	42	30
Германское объединение 1990 года	16	14	22
Первая мировая война	12	10	16
Падение Берлинской стены в 1989 году	11	11	14
Захват власти Гитлером	9	10	9
Сопrotивление в третьем рейхе	5	5	6
Образование Федеративной Республики Германии	5	5	2
Строительство Берлинской стены в 1961 году	5	3	10
Не знаю	13	13	14

Источник: Korte K.-R., Weidenfeld W. (Hrsg.). Deutschland-TrendBuch. Fakten und Orientierungen. — Bonn, 2001. — S. 678.

во-вторых, мы замкнулись на решении проблем каждый в своем геополитическом ареале и стали меньше общаться друг с другом. Причем первое не может быть отделено от второго. Кроме того, у общественности не хватает средств, а у государственных деятелей — политической воли для выстраивания системы постоянных контактов между древнейшими народами европейской цивилизации. Вот и возникают у меня вопросы, как нам, немцам и русским, оценивать итоги прошедших после войны семидесяти лет? Состоялось ли все-таки историческое примирение? Какие цели ставим мы перед своими государствами и народами? И, наконец, как нам ковать совместное будущее, за которое не было бы стыдно ни перед нашими детьми, ни перед всем миром?

Я не участвовал в Параде Победы, не чеканил шаг по-батальонно по брусчатке Красной площади и не бросал к подножию Кремлевской стены фашистские знамена и штандарты. Но во мне жива коллективная память этого исторического события, память «праздника со слезами на глаза». И меня переполняет гордость за то, что победа Советского Союза и членов антигитлеровской коалиции над нацистской Германией стала освобождением и избавлением мира от фашизма, который грозил уничтожить человеческую цивилизацию. И сегодня, в день 70-летнего юбилея этой славной даты, повторяя слова Г. К. Жукова, еще раз хочу сказать, что «никому не дозволено уменьшать значение ратного и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне!».

¹ Heydorn Volker Detlef. Der sowjetische Aufmarsch im Bialystoker Balkon bis zum 22. Juni 1941 und der Kessel von Wolkowysk. — München, 1989.

² Dederichs Mario R. Gemeinsame Geschichte: Deutsche und Russen // Der neue Flirt/ Klaus Liedtke (Hrsg.). — Hamburg, 1989. — S. 200–201.

³ Цит. по: Dederichs Mario R. Op. cit. — S. 223.

⁴ Хартманн К. Планирование Гитлером войны на уничтожение против Советского Союза // Трагедия Европы: От кризиса 1939 года до нападения на СССР / под ред. А. Чубарьяна и Х. Мёллера по поручению Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. — München, 2013. — С. 185.

⁵ Recker M.-L. Die Aussenpolitik des Dritten Reiches. — München, 1990.

⁶ Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963.

⁷ Вегнер Б. Основные черты стратегии Германии в войне с Советским Союзом // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1951). — М., 1995. — С. 97.

⁸ Schulz Gerhard. Deutschland seit dem Ersten Weltkrieg 1918–1945. — Göttingen, 1982. — S. 225.

⁹ Mann Golo. Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. — Frankfurt am Main, 1958. — S. 906.

¹⁰ Ларионов В. Политика и стратегия в войне // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1951). — М., 1995. — С. 129.

¹¹ Doernberg Stefan. Fronteinsatz. Erinnerungen eines Rotarmisten, Historikers und Botschafters. — Berlin, 2004. — S. 104.

¹² Benz Wolfgang. Geschichte des Dritten Reiches. — München, 2000. — S. 184.

¹³ Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. — М., 2009. — С. 8.

¹⁴ Doernberg Stefan. Op. cit. — S. 103.

¹⁵ Цит. по: Baumgärtner Ulrich. Reden nach Hitler. Theodor Heuss — Die Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus. — Stuttgart, 2001. — S. 99.

¹⁶ Schmid Harald. Deutungsmacht und kalendarisches Gedächtnis — die politischen Gedenktage // Peter Reichel/ Harald Schmid/ Peter Steinbach (Hrsg.). Der Nationalsozialismus — Die zweite Geschichte. Überwindung — Deutung — Erinnerung. — Bonn Bundeszentrale für politische Bildung, 2009. — S. 184.

¹⁷ Ibid., S. 216.

¹⁸ Что думают россияне о Германии и немцах? Аналитический доклад Российского независимого института социальных и национальных проблем по заказу московского представительства Фонда им. Фридриха Эберта. — М., ноябрь 1996. — С. 20–21.

¹⁹ Там же, С. 11, 17.

²⁰ Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 2014, 16. Apr.